

Стихотворения М. Лермонтова

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый миг в ней воскрешай,
На каждый звук ее призывный
Отзывной песнью отвечай!

Веневитинов {1}

Все говорят о поэзии, все требуют поэзии. По-видимому, это слово для всех имеет такое ясное и определенное значение, как, например, слово "хлеб" или еще более - слово "деньги". Но когда только двое начнут объяснять один другому, что каждый из них понимает под словом "поэзия", то и выходит на поверку, что один называет поэзией воду, другой - огонь. Что ж, если бы все-то так называемые любители поэзии заговорили о предмете своей любви! Это была бы настоящая картина вавилонского смешения языков! И очень естественно: если трудно определить поэзию ученым образом, то еще труднее намекнуть на ее значение повседневным языком общества, всем и каждому равно понятным. Если бы вам и удалось это, вы все-таки удовлетворите только людей, которые с вами симпатизируют, которые одинаково с вами настроены. В самом деле, если я под словом "поэзия" понимаю размеренные и зарифменные строчки, заключающие в себе правила добронравия и добродетели, то как вы убедите меня, что поэзия есть воспроизведение, живопись явлений жизни? Если я под словом "идеализирование" понимаю представление действительности совсем не так, как она есть, - ходули мыслей, дыбы чувства, то как уверите вы меня, что "идеализирование" действительности есть только подчинение взятых из нее материалов известной цели, извлечение из нее, так сказать, ее сущности и сочленение в живое и органическое целое разнородных, по-видимому, частей? Если я под словом "вдохновение" понимаю нравственное опьянение, как бы от приема опиума или действия винного хмеля, исступление чувств, горячку страсти, которые заставляют непризванного поэта изображать предметы в каком-то безумном кружении, выражаться дикими, натянутыми фразами, неестественными оборотами речи, придавать обыкновенным словам насильственное значение, - то как вразумите вы меня, что "вдохновение" есть состояние духовного ясновидения, кроткого, но глубокого созерцания таинства жизни, что оно, как бы магическим жезлом, вызывает из недоступной чувствам области мысли светлые образы, полные жизни и глубокого значения, и окружающую нас действительность, нередко мрачную и нестройную, являет просветленную и гармоническую?.. Поэзия и наука тождественны, если под наукою должно понимать не одни схемы знания, но сознание кроющейся в них мысли. Поэзия и наука тождественны, как постигаемые не одною какою-нибудь из способностей нашей души, но всею полнотою нашего духовного существа, выражаемого словом "разум". В этом отношении они резко чертою отделяются от так называемых "точных" наук, не требующих ничего, кроме рассудка, и разве еще воображения. Можно быть очень умным человеком и не понимать поэзии, считать ее за вздор, за побрякушку рифм, которою забавляются праздные и слабоумные люди; но нельзя быть умным человеком и не сознавать в себе возможности постичь значение, например, математики и сделать в ней, при усиленном труде, б_о_льшие или меньшие успехи. Можно быть умным, даже очень умным человеком и не понимать, что хорошего в "Илиаде", "Макбете" или лирическом стихотворении Пушкина; но нельзя быть умным человеком и не понимать, что два, умноженные на два, составляют четыре или что две параллельные линии никогда не сойдутся, хотя бы продолжены были в бесконечность. Ясно, что под словом "точных" истин понимаются те истины, которых очевидности и непреложности не может не признать ни один человек в мире, не лишенный здравого смысла, прежде всего отличающего людей от животных. В этом отношении наука, в высшем ее значении, т. е. философия, и поэзия - повторяем - тождественны: та и другая равно далеки от того, что имеет хотя вид "точности". Но в хаотической борьбе и противоположности понятий, убеждений и вкусов насчет произведений искусства внимательный взор открывает, как и во всех великих явлениях жизни, торжество единства, которое тем выше и поразительнее торжества "точности", чем, по-видимому, неопределеннее и неуловимее для рассудка сущность искусства. Океан времени, смывший с лица земли греческие республики, вынес имена: Гомера, Гезиода, Эсхила, Софокла, Пиндара, Анакреона, - и теперь все, считающие себя участниками даров вдохновения, охотно или поневоле, все-таки дивятся этим именам. Удачно сделанная копия с Аполлона Бельведерского {2} возбуждает всеобщий восторг, а оригиналам, состоящим из